

Дабы по приезде на работу во Владивосток скоротать свою первую ночь в приличных условиях, мне пришлось через незапертую балконную дверь проникнуть в чужую квартиру на втором этаже большого дома. За этими моими действиями, на первый взгляд криминальными, внимательно следила сама хозяйка квартиры - пожилая женщина пенсионного возраста, да пара её соседок по дому.

Хозяйка была родственницей Лидии Андреевны – матери моего университетского товарища Сергея Медведева, который в тот момент тоже находился на пути к Владивостоку, распределившись в тот же Геологический институт, что и ваш покорный слуга, но он избрал наземный вид транспорта, и за счёт громадной разницы скоростей между поездом и самолётом я его обогнал где-то на полпути к конечному пункту. У родственницы же я оказался по той причине, что Лидии Андреевне понадобилось передать меховую шапку, сшитую из какого-то мохнатого зверя, подстреленного отцом Сергея – охотником, а также килограмма два яблок, которые, как выяснилось, во Владивостоке в те далёкие уже годы были большим дефицитом.

Сойдя с трапа самолёта, я сел в автобус до города и, выйдя у Академгородка, мимо нескольких жилых домов с одной стороны и лесом с другой, спустился к Геологическому институту и первым делом отправился в отдел кадров. Ознакомившись с моими документами, его заведующая Алла Тимофеевна Худик (любитель давать всяческие псевдонимы, и сам охотно откликающийся на "Пачку", Сергей Медведев назовёт её Аллотриаморфовой, взяв за основу петрографический термин - аллотриаморфную структуру горных пород) с заявлением о приёме направила меня к заведующему уже лаборатории петрографии Степану Степановичу Зимину, который без лишних церемоний его подписал.

Был уже конец рабочего дня, поэтому пока ещё Алла Тимофеевна, а вовсе не Аллотриаморфова, – до её «переименования» оставалось ещё несколько дней, - извинившись, что пока не может направить меня в общежитие, порекомендовала переночевать как-нибудь самостоятельно. Я не возражал, потому что в кармане у меня лежал адрес будущей обладательницы меховой шапки, поэтому вправе был рассчитывать на крышу над головой и какое-никакое кормление. Вышел из длинного пятиэтажного здания института и первым делом спустился к морю, ласково плескавшегося в двухстах метрах внизу, - нужно было только пересечь небольшую дубраву и Великую Транссибирскую магистраль на её 9275-м километре от столицы, о чём возвещала стоявшая рядом с рельсами угловатая табличка километрового столба.

Было 26-е сентября, в Москве купались лишь «моржи» да самоубийцы, уходящие из жизни посредством утопления, тогда как здесь, на широте Сочи, вода для меня, а воздух для всех, были вполне тёплыми, и я окунулся в чистые воды Амурского залива. «Амурские волны», которым военный композитор Агапкин, служивший во Владивостоке в начале века, посвятил свой знаменитый вальс (а вовсе не мутным водам реки Амур, как думают многие), как раз на это время утихомирились, и было необыкновенно приятно, с каждым взмахом руки разбрасывая хрустальные брызги, рассекать водную гладь.

Обсох под лучами солнца, спускающегося к далёким сопкам на противоположном конце залива, оделся, вскарабкался на железнодорожную насыпь, затем в обратном направлении пересёк ещё совсем зелёную дубраву и по асфальту поднялся к остановке троллейбуса первого маршрута, который доставил меня до пельменной на конечной остановке «Городской парк», откуда было рукой подать до дома, значившегося на конверте, - его нужно было передать вместе с шапкой и яблоками.

Быстро нашёл нужный дом и подъезд, - возле него сидели несколько пожилых женщин. Спросил всех сразу: нет ли среди них хозяйки «моей» квартиры. Хозяйка-то присутствовала, но, когда я представился и сообщил о цели своего прихода, не забыв попроситься на постой на одну ночь, она посетовала, что у неё, а, следовательно, теперь и у меня - проблемы, поскольку она вышла из квартиры, захлопнув за собой дверь, и только потом вспомнила, что ключи остались дома. Теперь она сидела на лавочке и не знала, что же ей предпринять.

Я уже тогда догадывался, что безвыходных положений не бывает, и поинтересовался - на каком этаже она живёт, а когда услышал, что всего лишь на втором, и рассмотрел, что на

балкон можно легко забраться по растущему рядом довольно крепкому дереву, то, узнав сначала, не заперта ли балконная дверь и получив утвердительный ответ, предложил следующий проект: я поднимаюсь по дереву на балкон, санкционированно проникаю в квартиру и открываю дверь изнутри. Хозяйка с радостью благословила меня на проведение этой операции, и очень скоро мы были внутри весьма приличного жилища.

Разумеется, я был обласкан, накормлен и оставлен на ночлег, а с самого утра снова поехал в институт. Во Владивосток я приехал по персональной заявке, организованной Владимиром Георгиевичем Сахно, который планировал создать свою лабораторию петрологии вулканических поясов, отпочковавшись от петрографов, изучающих интрузивный магматизм. Пока что его в городе не было, ведь полевой сезон в Приморье длится до ноября, и стояла самая благодатная, чудная пора, когда в тайге не стало мокреца и комаров, поспел лимонник и виноград.

Вечером я пришёл в серое девятиэтажное общежитие на Кирова-62, направленный в 844 комнату, где уже проживали трое человек, и я должен был стать четвёртым. Толкнул дверь в самую крайнюю, северную дверь на восьмом этаже, обнаружил её незакрытой, вошёл. Пока в ней никого не было. Посмотрел в окно, выходящее на Амурский залив, отметил, что вид красивый и сел у стола в ожидании будущих сокоешников. Осмотревшись, заметил на столе полный стакан с минтаевой икрой, которую я тогда ещё не пробовал, всё больше на лососёвую нажимал, - в предыдущем году на Курилах мы её употребляли столовыми ложками из среднего размера тазиков. Пахла икра весьма призывно, поэтому я не удержался и, увлечшись, съел полстакана.

Вскоре появился первый коренной обитатель комнаты, Борис Мездрич, - невысокий, довольно полный, отчего показавшийся мне весьма солидным, молодой человек, тоже геолог, выпускник Новосибирского университета, проработавший в Геологическом институте в лаборатории геохимии уже два года. Это ему я буду обязан тем, что по его рекомендации на собрании, ведомом Екатериной Александровной Радкевич (в народе её звали ласково «Бабкой»), меня изберут потом в комсомольское бюро института, и на два года я стану его главным идеологом, к чему, разумеется, нисколько не стремился, и «имел зуб» на Борю за это назначение.

Мездрич был фанатом балета и классического танца, поэтому он вскоре организовал весьма популярные среди академической молодёжи Владивостока так называемые «Дансинги Терпсихоры». Неоднократно по его приглашению на них приезжали профессионалы: супруги Вячеслав и Людмила Поповы, другие менее известные танцоры. Меня он, разумеется, тоже вовлёк в своё танцевальное движение. Через восемь лет Борис Мездрич уйдёт из геологии и станет директором местного ТЮЗа, потом переедет в Омск, на ту же должность, но уже в драматический театр (я навещал его там, аккуратно в предпоследний день прошлого тысячелетия), а с 2001 году будет уже директорствовать в Новосибирском драмтеатре.

Следом за Мездричем в дверях показался кучерявый гигант, представившийся Моней. Это был Эммануил Юсим, тоже из Геологического института. Во Владивосток он приехал из Кривого Рога. Потом он также уйдёт из науки и станет предпринимателем и, когда я приезжал во Владивосток в 99-м году, узнал, что его разыскивали какие-то бандиты, и он вполне успешно скрывался от них на необъятных просторах нашей Родины, чему я был весьма рад, что успешно, и огорчало лишь, что из-за этого скрывания не удалось с ним увидеться.

С Моней был связан такой интересный эпизод. В эпоху бешеной популярности у нас в стране ансамбля «Бони-М», в ДВГИ была создана своя музыкальная группа, в которой Юсим играл на ударных инструментах. Просуществовала она недолго, и запомнился мне этот факт тем только, что называлась она «Моня-Б».

Ещё один проживающий в нашей комнате появился только на следующий день. Это был Сергей Старжинский, геофизик, он был молчаливым и плохо запоминающимся, и я удивляюсь даже, что вспомнил сейчас не только о его былом существовании, но даже род его деятельности, и имя его и фамилию. Вскоре он куда-то уехал и больше я никогда его не встречал.

Уже на следующий день своей работы в должности стажёра исследователя ДВГИ я был направлен за двести с лишним километров в совхоз Новоселище, где новые селяне по мере

своих сил помогали горожанам убирать совхозный урожай картошки. В качестве оплаты за свой ударный труд в течение двух дней, я несанкционированно прихватил мешок российского «второго хлеба», - сказала ещё не изжитая студенческая привычка нести в дом то, что можно потом съесть, и вот эти-то мои действия и на первый взгляд, и на второй, и на третий, были вполне криминальными, – когда-то и за несколько подобранных колосков на уже убранном поле давали «хороший» срок.

Одновременно со мной, вернувшись с картошки, подъехал и Сергей Медведев, а вместе с ним ещё один наш сокурсник, - «полезник» Виталий Чевычелов. Вместе с ними нас - выпускников геологического факультета МГУ 74-го года – стало пятеро, ведь ещё раньше меня в ДВГИ были приняты Юра Волохин и Светлана Медяник.

Вновь прибывших тоже поселили в нашей комнате, и нас стала шестеро. Поскольку койко-мест было только четыре, то двоим, пришлось спать на полу на матрасах, которые днём задвигались под кровати. Это продолжалось, впрочем, недолго, потому что вскоре Сергея и Виталика отправили в экспедицию в Кавалерово, а потом и я тоже вместе с лаборантом нашей лаборатории Витей Савватеевым на автомобиле «ГАЗ-66», управляемом «Мамонтом» - Виктором Новиковым, отбыл в тайгу на реку Ванчин, в переводе с китайского - Милоградовку, на золотое месторождение Союзное, где и состоялось моё первое самостоятельное поле.

Ещё до отъезда я успел полувлюбить в молодую художницу Ольгу Фалькову, ответившую мне взаимностью, но, вернувшись домой через две недели влюблённым уже на три четверти, во Владивостоке её уже не застал, – из Барнаула за ней приехала мать и срочно увезла под венец с «блестящим» гвардейским офицером, - эта партия ей показалась гораздо выгодней, чем со стажёром-исследователем: ещё неизвестно было, куда заведут меня исследования и будут ли платить за них хорошие деньги.

С полей я появился в один день с американским президентом Джеральдом Фордом, и если мой приезд остался для подавляющего большинства жителей Владивостока практически незамеченным, то по поводу приезда президента писали все газеты, говорили радиостанции и вещали все программы телевидения Советского Союза, да, пожалуй, и всего «забугорного» мира.

Ещё некоторое время мы жили в одной комнате вшестером, поочередно ложась на напольные матрасы, а сразу после Нового года рядом с 62-м домом пустили в строй точно такой же 64-й, и мы с Сергеем Медведевым, Виталиком Чевычеловым и Витей Савватеевым стали самыми первыми его жителями, что, я надеюсь, когда-нибудь будет отмечено благодарными потомками, - в постановке мраморной доски на этой уже повидавшей виды, весьма обветшалой общаги, например, - на памятник или хотя бы бронзовый бюст я и не рассчитываю, да и не нужно это, одно его утащат в металлолом.

Г. Ботряков